

И. Н. ЛЕБЕДЕВА

Афанасиевский извод и лицевые списки Повести о Варлааме и Иоасафе¹

В 60-х гг. XIX в. имп. Археографическая комиссия начала подготовку к изданию Великих Четий Минеи — огромного свода переводных и оригинальных русских и южнославянских литературных памятников агиографического, повестийного, учительного и других жанров. Русские книжники, составлявшие во второй четверти XVI в. по инициативе новгородского архиепископа Макария этот круг чтения русского человека, не обошли своим вниманием и Повесть о пустыльнике Варлааме и царевиче индийском Иоасафе, переведенную с греческого языка и широко распространенную в письменности восточных и южных славян. Повесть была помещена составителями свода в ноябрьском томе под 17 ноября. Выбор этой даты определялся, вероятно, тем, что именно под этим числом в русском Прологе, составившем структурную основу свода Макария, читались два извлечения из Повести: краткая память «св. отца Варлаама пустычника» и «Поучение Варлаама к Асафу».

При издании ноябрьского тома Четий Минеи Археографической комиссией часть текстов подготавливал к печати Н. П. Попов, заведующий Синодальной (Патриаршей) библиотекой. Среди подготовленных им к изданию памятников была и Повесть о Варлааме и Иоасафе.² Н. П. Попов сравнил издаваемый текст с другими списками Повести, хранящимися в Синодальной библиотеке, а также с греческим оригиналом и пришел к выводу, что в составе Макарьевского свода читается особая редакция перевода Повести, которую он назвал Афанасиевским изводом по имени писца Афанасия, вставившего в текст Повести свое замечание.³ В 1926 г. Н. П. Попов опубликовал специальное исследование об этом изводе Повести.⁴ Содержание статьи Н. П. Попова сводится вкратце к следующему.

1. До середины XV в. в русской письменности существовал один перевод Повести, точно соответствующий греческому оригиналу. Во второй половине XV в. на Руси появился новый извод славянского текста — Афанасиевский. Этот извод характеризуется многочисленными изъятиями частей первоначального текста, с одной стороны, и добавлениями, с другой. Внешне Афанасиевский извод легко распознается по киноварным заголовкам, внесенным в текст составителями извода.

¹ Статья является продолжением двух предшествующих публикаций, посвященных древнерусскому переводу Повести о Варлааме и Иоасафе: И. Н. Лебедева. 1) О древнерусском переводе Повести о Варлааме и Иоасафе. — ТОДРЛ, т. XXXIII. Л., 1979, с. 246—252; 2) К истории древнерусского Пролога: Повесть о Варлааме и Иоасафе в составе Пролога. — ТОДРЛ, т. XXXVII. Л., 1983, с. 39—53.

² ВМЧ, ноябрь, тетрадь III, стб. 2704—2891.

³ ВМЧ, вып. IX, ч. 1, с. IV; Н. П. Попов. Запись писца в тексте Повести о Варлааме и Иоасафе. — В кн.: Библиографическая летопись, изд. ОЛДП, вып. 1. М., 1914, с. 100—102.

⁴ Н. П. Попов. Афанасиевский извод Повести о Варлааме и Иоасафе. — ИОРЯС, т. XXXI, 1926, с. 189—230.

2. Основная идея Афанасиевского извода — идея превосходства духовной власти над светской, свойственная католицизму. Афанасиевский извод предназначался, таким образом, для проведения католических идей в самые широкие круги русского читателя, подобно тому, как Геннадиевская Библия и Сводная Кормчая должны были воздействовать на круги церковные для сближения с католиками.

3. Переработка Повести сделана двумя людьми: страстным борцом против ереси жидовствующих Иосифом Волоцким и каким-то монахом-доминиканцем.

4. Переработка Повести производилась под видом исправления текста по греческому оригиналу, что на самом деле было сознательным искажением текста для проведения католических взглядов.

5. Афанасиевский извод был пущен в обращение как оружие в борьбе с ересью жидовствующих.

Исследование и выводы Н. П. Попова не получили критической оценки в литературе, да ее и не могло быть при полной неизученности рукописной традиции славянских текстов Повести. Тем не менее в литературе можно встретить ссылки на выводы Н. П. Попова как на установленные твердо факты. Так, А. И. Клибанов в книге о реформационных движениях в России писал о «воинствующем клерикале Иосифе Волоцком» как одном из авторов Афанасиевского извода.⁵ И. Н. Голенищев-Кутузов также отметил участие Иосифа Волоцкого и монаха-доминиканца в составлении этого извода.⁶ Показательно, что Я. С. Лурье, который в книге, изданной в 1955 г., называл Афанасиевский извод «иосифлянским»,⁷ в 1960 г. отнесся к выводам Н. П. Попова уже негативно: «... Н. П. Попову не удалось доказать ни связи этого извода с Иосифом, ни его латинского характера... Поскольку нет никаких доказательств связи Афанасиевского извода „Повести“ с Иосифом, ... аргументация Н. П. Попова представляется нам крайне натянутой и сомнительной».⁸ Я. С. Лурье отметил, таким образом, сомнительность выводов Н. П. Попова ввиду несостоятельности его аргументации. В настоящее же время существует, как нам кажется, возможность противопоставить аргументам Н. П. Попова данные изучения рукописного материала.

Прежде всего остановимся на двух основных пунктах рассматриваемой концепции.

1. Основным исходным положением Н. П. Попова было утверждение о наличии в русской письменности до XV в. лишь одного перевода Повести о Варлааме и Иоасафе. Но первое же обращение к спискам Повести показало наличие разных текстов, а более детальное изучение позволило установить, что уже до появления Афанасиевского извода на Руси имели хождение три вида текстов: древнерусский перевод Повести, сделанный в Киевской Руси не позже первой половины XII в.,⁹ сербский перевод, появившийся на Афоне в XIV в. и сразу же пришедший на Русь,¹⁰ и, наконец, как нам недавно удалось установить, болгарский извод, сделанный в том же XIV в. на Афоне путем исправления сербского перевода по греческому оригиналу.¹¹ Н. П. Попов при анализе Афанасиевского извода

⁵ А. И. Клибанов. Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI вв. М., 1960, с. 347.

⁶ И. Н. Голенищев-Кутузов. Средневековая латинская литература Италии. М., 1972, с. 225.

⁷ Н. А. Казакова, Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.—Л., 1955, с. 415.

⁸ Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. М.—Л., 1960, с. 277—278.

⁹ И. Н. Лебедева. О древнерусском переводе Повести о Варлааме и Иоасафе, с. 249—251.

¹⁰ Там же, с. 248—249.

¹¹ Повесть о Варлааме и Иоасафе. Подгот. текста, исслед. и коммент. И. Н. Лебедевой. Л., 1984, с. 63—67.

сопоставлял его текст с разными списками, содержащими разные переводы Повести. Поэтому естественно, что при таком сличении текстов получались несообразности, для объяснения которых и появилась идея о монахе-доминиканце, сознательно испортившем первоначальный текст для пропаганды католицизма.

Между тем сопоставление Афанасиевского извода с тремя переводами Повести — русским, сербским и болгарским — свидетельствует о том, что этот извод составлен на основе древнерусского перевода Повести. Приводим лишь два примера, выбрав для сопоставления те части текста, в которых русский переводчик, в отличие от сербского и болгарского, сделал очень заметные ошибки, читающиеся и в тексте Афанасиевского извода.

Древнерусский перевод <i>Рукопись ГПБ, Соловецкое собр., № 208 (513)</i>	Сербский перевод <i>Рукопись ГПБ, Софийское собр., № 1365</i>	Болгарский перевод <i>Рукопись ГПБ, F.I.290</i>	Афанасиевский извод <i>(изд. ВМЧ)</i>
л. 8	л. 1 об.	л. 1	стб. 2706
Елико духом божиим водими суть, си суть сынове божии, вѣщаваеть божественный Павел. А еже святого духа сподобитися и сыном божием быти желанно есть последство, и не бы в а е м а в с я к о я п р е м у д р о с т и п о к о й, яко же писано есть.	Елици убо духомъ божиим водими суть, сии суть сынове божии. рече божественный апостол. А еже духа святаго сподобитися и сыном божиим быти желанне есть конечное, и сему бывшу всякого благого видения покой, яко же пишеть.	Елици духомъ божиим водятся, сии суть сынове божии. А еже духа святого сподобитися и сыном божиим быти желанием есть свершения, и сему бывшу всякому видению есть покойще, яко же пишеть.	Елици духомъ божиим водими суть, си суть сынове божии, вѣщаваеть божественный Павелъ. А еже святого духа сподобитися и сыном божиимъ быти желанно есть послѣдство, и не бы ваемо всякоа премудрости покой, яко же писано есть
л. 24 об.	л. 11	л. 7 об.	стб. 2720
Царь же, яко услышавъ сиа, печаль бысть ему въ веселиа мѣсто. Въ граде Домосѣ полату създавъ. . .	Царь же, яко услыша таковая, тяжко възвезтиа прият, печаль же веселье ему пресецаше. В граде абе особне полату създавъ. . .	<i>как в сербском переводе</i>	Царь же, яко услыша сиа, печаль ему бысть въ веселиа мѣсто. И во градѣ, Домѣ нарицаемѣмъ, созда полату. . .

В первом из приведенных примеров, начальных строках Повести, русский переводчик в греческом выражении *οὐ γινόμενος* относительное местоимение *οὐ* принял за отрицание *οὐ* (разница лишь в надстрочном знаке) и перевел эту конструкцию неверно — «не бываема», в то время как в сербском переводе читается правильное «сему бывшу». Во втором примере русский переводчик в греческом тексте *ἐν πόλει δὲ ἑμοῦ* два слова *δὲ ἑμοῦ*, написанные через апостроф, принял за одно, за название города, и перевел «в граде Домосе», в то время как серб перевел это выражение правильно — «в граде абе особне». Эти, а также и другие ошибки русского перевода сразу позволяют установить, что в основе Афанасиевского извода лежит русский перевод Повести. Любопытно, что в поле зрения Н. П. Попова не попал ни один список русского перевода (их в настоящее время известно пять).¹² Вернее, один из них, Соловецкий № 208 (513),

¹² И. Н. Лебедева. К истории древнерусского Пролога. . ., с. 39—53.

обратил на себя его внимание наличием подробного оглавления, но текст списка остался им не использован.

2. Н. П. Попов отметил в тексте Афанасиевского извода многочисленные случаи сокращения первоначального текста, с одной стороны, и добавлений, с другой. И то, и другое, по мнению Н. П. Попова, было сделано одновременно одним и тем же редактором или редакторами, которые убрали из текста то, что не соответствовало их идеологии, и добавили соответствующие их взглядам дополнения. Но анализ Афанасиевского извода показал, что сокращение текста и дополнение его — это два разных этапа истории памятника. На эту мысль наводило также и следующее обстоятельство. В конце прошлого столетия выдающийся украинский писатель и литературовед Иван Франко защитил в Венском университете диссертацию на степень доктора философии на тему «Повесть о Варлааме и Иоасафе — старохристианский духовный роман и его литературная история». Исследование Ивана Франко было опубликовано на украинском языке.¹³ Древнеславянский перевод Повести Франко изучал по рукописи Креховского униатского монастыря в Галиции. Частично сличив Креховскую рукопись с греческим текстом, Франко установил, что текст рукописи значительно сокращен. Никаких же добавлений по сравнению с греческим оригиналом Иван Франко в Креховской рукописи не отметил.

Рукопись, обратившую на себя внимание Ивана Франко, в настоящее время удалось разыскать в Львовской научной библиотеке им. Стефаника. Рукопись хранится в фонде Василианского монастыря под № 419. Разыскание Креховской рукописи прояснило многое из того, что относится к Афанасиевскому изводу Повести о Варлааме и Иоасафе. Изучение Креховской рукописи показало, что сокращение первоначального текста Повести и включение в этот сокращенный текст различных добавлений — два разных этапа литературной истории древнерусского перевода Повести. Креховская рукопись представляет нам лишь первый из этих этапов — сокращение текста без каких-либо добавлений. Таким образом, данные Креховской рукописи существенно меняют отношение к концепции Н. П. Попова, и прежде чем перейти к дальнейшему разбору его аргументации охарактеризуем подробнее Креховский список.

Креховская рукопись представляет собой конволют формата фолио (размер листа 30,5×19,5), в котором насчитывается 192 листа. Из них на л. 1—114 находится текст Повести, на л. 115—192 текст Толкового Апокалипсиса. Обе части конволюта написаны в середине XVI в. Филигрань бумаги, на которой написан текст Повести, — кабан: знак сходен со знаком № 13579 у Брикке (1549 г.).

Креховский список Повести и л л ю с т р и р о в а н. Всего в тексте должна была быть 91 иллюстрация (может быть, на одну или две больше, так как в рукописи утрачен один лист после л. 8), но вписаны лишь 11, на л. 2 об.—15,¹⁴ для остальных лишь оставлены места. Иллюстрации представляют собой рисунки пером.

Теперь обратимся к тексту Креховского списка. Перед нами текст древнерусского перевода Повести, известного по рукописям Соловецкой № 208 (513), собрания Большакова № 410 и другим,¹⁵ но текст, сокращенный примерно на одну пятую. Таким образом, Креховская рукопись представляет собой промежуточный, средний этап между полным текстом древнерусского перевода и Афанасиевским изводом.

¹³ І. Франко. Варлаам і Йоасаф — старохристиянський духовний роман і його літературна історія. — Записки Наукового товариства імені Шевченка, т. VIII, у Львові, 1895, с. 1—28 з прил. I—XVI; т. X, 1896, с. 29—80; т. XVIII, 1897, с. 81—134; т. XX, 1897, с. 135—202.

¹⁴ Эти иллюстрации воспроизведены в приложении к исследованию Ивана Франко, см.: Записки Наукового товариства імені Шевченка, т. VIII, прил., с. I—XVI.

¹⁵ Перечень этих списков см. в статье: И. Н. Лебедева. К истории древнерусского Пролога. . . , с. 39—53.

Рассмотрим сокращения Креховского списка в сравнении с полным текстом перевода по рукописи Соловецкой № 208 (513). Соловецкий список имеет следующее заглавие: Книгы Варлам. Изображение душеполезное из утрення Ефиопскыя страны глаголемыя Индийскыя страны въ святыи град принесено Иоаномъ мнихомъ и мужемъ честнымъ и добродѣтельнымъ сущаго от монастыря святого Савы (л. 8). В Креховской рукописи нет лишь двух первых слов, «Книгы Варлам», далее дословно сохранено заглавие Соловецкого списка. Сокращения в тексте рукописи носят тройный характер.

1. Сокращения небольших частей текста: нескольких слов во фразе, отдельных фраз, недостаточно ясных по смыслу или, может быть, показавшихся повторениями либо стилистически не соответствующими остальному тексту. При этом отдельные слова и выражения заменялись их синонимами. Приводим один из примеров.

*ГПБ, Соловецкое собр.,
№ 208 (513), л. 9*

*Львовская науч. б-ка
им. Стефаника,
ф. Василианского
монастыря,
№ 419, л. 1 об.*

Ибо на добродетели въводяи путь остръ есть и грустокъ, паче же никогда же прилагающемъ отнуд себе къ Богу, нъ от греховнаго томительствия вину нюдящемся. Сего ради и многую молбою к нему молящемся намъ се бо сказание, се же и житие изъобразно, имъ же преже шествовавшемъ его, паче же бес печали влѣчется к нему и недоразумевати престраняет шествования неудобие, зане и неудобное и хотящему шествовати путь люто шествование и острое, уча нѣкый и повелѣвая, егда послушаетъ, показуя же многимъ его уже шествовавшемъ, таче ли к коньчинѣ добрѣ обитавшимъ тако на послушание, паче и сам убо к шествованию прикасатися. Сего убо и азъ изобразую правило, инъ же от прилежащаго рабу бѣда бояся. . .

Ибо на добродѣтели въводяи путь есть остръ и жестокъ, паче же николи же предлагающимъ себе къ Господу, но грѣховнымъ обычаемъ вину тѣщемся. Сего ради и многую молбою молящемся нам ко нему. Сего ради и азъ непрѣлежащаго раба притчя бояся. . .

Такого рода сокращений по всему тексту рукописи много.

2. Вторая группа сокращений — большие части текста, по нескольким листам рукописного текста. Это относится прежде всего к поучениям Варлаама. Иногда сокращаются большие абзацы текста, между которыми оставлено по одной фразе, как например в тексте, который в Соловецком списке находится на л. 59 об.—61 об., в Креховском — на л. 25 об.—26. Текст на л. 65—74 об. Соловецкого списка в Креховском выпущен совсем. Но это пропуск не механического порядка, скажем, вызванный отсутствием части листов в протографе, а сознательное сокращение, так как выпущенный текст восполнен конструкцией дательного самостоятельного, присоединенной к следующей за сокращенной частью фразе: Сие и ина многа сказую Варламу от пророкъ же и апостоль о въскресении мертвых и о страшном и ваторе пришествии Христове и от святого Еуаггелиа притча Спасовы, Иоасафъ покаяниемъ многим о сихъ душу исполнь, слезами весь бывъ. . . (л. 27—27 об.). Чтобы показать количество таких значительных сокращений Креховского списка, перечислим те листы Соловецкой рукописи, текст которых сокращен в Креховской: л. 75 об.—79 об., 91 об.—92, 94 об.—95 об., 97—98 об., 100—103, 114—114 об., 118—121, 123 об.—125 об., 135 об.—143 об., 149—152, 158 об.—159 об., 161 об.—164, 228—233, 271 об.—274, 277—282, 290—292, 317 об.—319.

3. И, наконец, третья категория пропусков текста — механического порядка, вызванная утратой листов в протографе. Таких пропусков два. Первый из них — на л. 43 об., где после слов «Глагола царь: „Ей не по вся дни токмо, нъ и вся часы о сихъ память вину обновляти не леню бо ся“» (притча Варлаама о царе и советнике) следуют слова следующей притчи «[ста]рца того единочада сущи девою», т. е. в протографе была утрата

одного листа. Второй пропуск текста — значительно больший, в Соловецком списке этот пропущенный текст занимает л. 184—192. Это эпизод с семнадцатью отшельниками, которых встречает в пустыне царский вельможа Арахия, отправившийся на поиски Варлаама. На л. 60 Креховского списка после слов о том, что Арахия «на коня всѣдъ, безъ вдержанна гоняше, за шесть же дней втрудоився, всуе пострада», сразу следует конец эпизода с отшельниками: «О сих яростию ражегся, повелѣ зыкы ихъ пезати, извертѣти же очи ихъ, руцѣ же и нозѣ ихъ отсѣкнути».

Теперь мы можем перейти к дальнейшему разбору аргументации Н. П. Попова, обосновывающей прокатолический характер Афанасиевского извода. По мнению Н. П. Попова, основная идея извода — превосходство духовной власти над светской — дает знать о себе уже в заглавии Афанасиевского извода, значительно измененном по сравнению с первоначальным. Приводим заглавие Афанасиевского извода: Сия книги принесена бысть изъ внутреняа Ефиопиа, глаголемыа Индейскыа страны во святыи град Иерусалимъ Иоанномъ мнихомъ, мужемъ честномъ и добродѣтельнымъ, сущаго монастыря святого Савы. Изображение душеполезно. Господи, благослови, отче. Сия книга царя Асафа дѣянне, ему же наказатель авва пустынникъ Варлаамъ.¹⁶

Первоначальное заглавие древнерусского перевода было приведено выше по Соловецкому списку № 208 (513). Н. П. Попов уже в этом измененном заглавии увидел мысль о превосходстве духовной власти над светской, так как пустынник учит царя, и деяния царя — результат проповеди пустынника, а каждый учитель выше того, кого он учит. По мнению Н. П. Попова, во многих случаях текст Повести в Афанасиевском изводе искажен для подчеркивания этой мысли. Такое искажение текста Н. П. Попов видит уже в первых словах извода о Варлааме: «Бысть же в то время мнихъ премудръ, нѣкто о т ъ б о ж е с т в е н н ы х ъ мужъ». Сопоставив этот текст с соответствующим местом по Троицкой рукописи № 687, где читается: «Бысть бо в то врѣмя мнихъ нѣкий мудрствуюа божественаа», — Н. П. Попов видит в этом сознательную порчу текста. Рассуждающий о божественном под пером составителя извода превращен в премудрого и божественного мужа, т. е. окружен ореолом небесного величия, и отношение к такому лицу со стороны царя должно быть самым почтительным. Поэтому в многочисленных диалогах к первоначальному тексту добавлены почтительные обращения: «отче честный», «отче, честная седино», «отче предобрый, господи мой старче» и т. п.¹⁷

Чрезмерное подчеркивание роли Варлаама сказывается, по концепции Н. П. Попова, и в характере киноварных надписаний, добавленных к первоначальному тексту в изводе: «Варлаамъ показываетъ Иосафу камень драгий Иисусъ Христа», «Иосафъ плачется о разлучении своего духовнаго отца и премудраго учителя».¹⁸

В Афанасиевском изводе есть несколько добавлений к первоначальному тексту, относящихся к характеристике монахов: «Добро есть оставити мирскую жизнь и приити во иноческый образъ» (стб. 2765), «Подобает во общемъ житии быти мниху сомжаривъ очи свои и уши затокши и отъинудь нѣму» (стб. 2768). Одно из добавлений является истинным панегириком общежительному монастырю: «Друзии же, обще живуще, множество много собравшася от различныхъ земель, градъ же и сѣль. Яко пчела, сладость медвеную собравше от различныхъ цвѣтець и полагаетъ в ризницы матки своеа, тако и составъ блага дружины, разлучившеся своихъ отецъ и матерей и приединишася под единымъ наставникомъ себе повинувше и милуеми его любовию яко младенци на лонехъ матере своеа».

¹⁶ ВМЧ, стб. 2704—2705.

¹⁷ Н. П. Попов. Афанасиевский извод. . . , с. 198—199.

¹⁸ Там же, с. 198—200.

Всю волю свою в надра его предаша и послушным ножемъ себе заклавшие и себѣ отрѣзаша свою волю и раби куплени волею створишася, а не златомъ ни серебромъ» (стб. 2768).

Это добавление навело Н. П. Попова на мысль, что автор извода был серьезно озабочен проблемами монашеского общежития, а потому вряд ли Афанасиевский извод был составлен в Киево-Печерской или Троице-Сергиевой лаврах, где общежитие было издавна. Исходя из того, что старейший известный ему список извода, Барсовский № 713, датируется концом XV в., Н. П. Попов предположил, что извод создан во второй половине XV в. В это время на Руси было два человека, болевших нестроениями монашеской жизни и заводивших в основанных ими монастырях общежитие, — Нил Сорский и Иосиф Волоцкий. Но превознесение духовной власти перед царской и литературная смелость, выразившаяся в переделке текста Повести (а в некоторых списках автором Повести назван св. Иоанн Дамаскин), не в характере заволжского старца, а более соответствует характеру волоцкого игумена.¹⁹ Подтверждением тому, что составителем Афанасиевского извода был Иосиф Волоцкий, Н. П. Попов считал установленный им факт заимствования Иосифом Волоцким большого отрывка текста Повести и включения этого отрывка в его «Сказание о ереси жидовствующих». Правда, сопоставление текстов, произведенное Н. П. Поповым, показало, что Иосиф Волоцкий заимствовал отрывок не из Афанасиевского извода, а из «старшего извода».²⁰ На участие Иосифа Волоцкого в составлении Афанасиевского извода, по мнению Н. П. Попова, указывают также пропуски первоначального текста о нестяжании, о постах, о раздаении имущества, о человеколюбии, милосердии и сострадании.²¹

Но Иосиф Волоцкий не был единственным составителем Афанасиевского извода, утверждает Н. П. Попов. Идея превосходства власти духовной над царской — это идея католическая. Католики оставили след в русской письменности своим участием в создании Геннадиевской Библии: переводчиком Маккавейских книг был доминиканец Вениамин. Католические идеи в Афанасиевском изводе Н. П. Попов усматривает в нескольких пропусках по сравнению с первоначальным текстом: пропущены рассуждения Варлаама о добрых делах человека, о Святом Духе и его животворящем действии, о свободе воли и свободе выбора.²² Во всем этом Н. П. Попов усматривает «руку латинского богослова из партии доминиканцев».²³ Но он идет еще дальше и в фигуре Варлаама видит царского духовника Митрофана, а в других персонажах Повести — царе Авенире и его сыне Иоасафе — царя Ивана III и его сына Василия. Известно, что Василий состоял в самых близких отношениях с Иосифом Волоцким, а Иван III некоторое время благоволил к жидовствующим; стало быть, «Повесть могла предназначаться для создания дворцового переворота в целях борьбы истины с заблуждениями еретичества», т. е. с жидовствующими.²⁴ Такое предположение повлекло за собой попытку Н. П. Попова датировать создание Афанасиевского извода временем между 1479 и 1487 гг.²⁵

Охарактеризованный таким образом Афанасиевский извод прекрасно «вписывался» в публицистику конца XV в. Но тем не менее данные Креховской рукописи свели на нет всю аргументацию Н. П. Попова. Начнем с интерпретации заглавия извода, в котором, по мнению Н. П. Попова, подчеркнута преимущественное значение Варлаама. Но эта особенность

¹⁹ Там же, с. 201—204.

²⁰ Там же, с. 204—206.

²¹ Там же, с. 207—212.

²² Там же, с. 215—218.

²³ Там же, с. 219.

²⁴ Там же, с. 224—225.

²⁵ Там же, с. 225—226.

свойственна не одному лишь Афанасиевскому изводу. Вспомним заглавие Соловецкого списка № 208 (513), начинающееся словами «Книгы Варлаамъ», что является полным соответствием греческому тексту. Более того, грузинская версия Повести носит название «Мудрость Балавара»,²⁶ т. е. на первом месте и здесь наставник Варлаам. Одна из нескольких арабских версий памятника называется «Это книга Билахара (Варлаама, — *И. Л.*) и Будасафа (Иоасафа, — *И. Л.*) о поучениях и мудрых притчах».²⁷ Как видим, в нескольких разноязычных версиях Повести Варлааму в заглавии отведено первое место, так что считать это тенденциозной особенностью Афанасиевского извода у нас нет никаких оснований. Это же относится и к поименованию Варлаама в изводе «божественным». Н. П. Попов сравнивал текст извода с соответствующим местом в Троицкой рукописи № 687 1444 г. и нашел сознательное искажение текста в изводе по сравнению с Троицкой рукописью. Но Троицкий список № 687 содержит болгарский перевод Повести, а не древнерусский. Уже полный текст древнерусского перевода по Соловецкому списку передает это место следующим образом: «Бысть в то время мнихъ етеръ премудръ от божественных, житиемъ и словом украсень» (л. 38 об.). Выражение «от божественных» получилось из первоначального «о божественных» в соответствии с греческим текстом, но рука переписчика механически, произвольно поставила над «о» в качестве выноской «т». Такие механические ошибки встречаются в рукописях часто. То же чтение «от божественных» повторено и в Креховской рукописи на л. 14 об. Ясно, таким образом, что составитель Афанасиевского извода не искажил здесь текст, а лишь добавил слово «мужь».

Теперь о вставках — обращениях к Варлааму, которые также, по мнению Н. П. Попова, имеют целью подчеркнуть значение и непререкаемый авторитет духовной власти в сравнении с царской. Интересные результаты дал статистический подсчет всех таких вставок — обращений к разным лицам по всему тексту Афанасиевского извода. Их всего около 150, из них 60 — обращения к царевичу Иоасафу, 40 — к царю Авениру и лишь 35 — к Варлааму, остальные адресованы второстепенным персонажам Повести. Если исходить из количества этих вставок, то можно прийти к выводу, что составитель извода хотел подчеркнуть значительность личности царевича; на самом деле здесь все проще: в Повести больше всего прямой речи Варлаама, обращенной к царевичу, поэтому и возможности для таких вставок оказалось больше.

Н. П. Попов обратил внимание на характерную внешнюю особенность списков Афанасиевского извода — наличие многочисленных киноарных заголовков, являющихся добавлениями к переводному тексту, а в греческом оригинале отсутствующих. Н. П. Попов утверждал, что эти заглавия также вносят в Повесть католическую идею о превосходстве духовной власти над царской, так как в них подчеркивается роль Варлаама как наставника и крестителя самого царя. Но анализ этих заглавий привел к иному выводу. В разных списках Афанасиевского извода их разное число, по изданию Н. П. Попова их насчитывается 29. Приводим некоторые из них. «Варлаамъ показаеъ Иоасафу камень драгий Исус Христа» (стб. 2730); «Варлаамъ крестить Иоасафа, царева сына, божественным крещением» (стб. 2792); «Варлаам даеъ святое причастие Иоасафу царю» (стб. 2796); «Варлаам преподобный учит сына царева, давъ ему святое причастие» (стб. 2796); «Варлаамъ молится к богу о цари Иоасафъ» (стб. 2800); «Иоасафъ плачется о разлучении своего духовнаго отца и премудраго учителя» (стб. 2802); «Божественный Варлаам, уже отити хотя,

²⁶ Балаварип. Мудрость Балавара. Предисл. и ред. И. В. Абуладзе. Тбилиси, 1962.

²⁷ Повесть о Варлааме пустыльнике и Иоасафе царевиче Индийском. Пер. с арабского ак. В. Р. Розена под ред. и с введением ак. И. Ю. Крачковского. М.—Л., 1947, с. 21.

обоимъ व्यю своима рукама сына царева, обливаше слезами» (стб. 2803); «Варлаам даетъ целование Иоасафу царю, отходя из полаты» (стб. 2806); «Царь Авенирь бесѣдуетъ къ сынови своему Иоасафу бесѣдами суетными. а идолы боги нарицаа» (стб. 2814).

Из приведенных заглавий видно, что они носят описательный характер, и это позволило предположить, что переписчик передавал таким образом содержание иллюстраций того списка, который находился перед ним. Подобные примеры уже известны в литературе. Так, В. Ф. Покровская посвятила специальную статью Хронографу редакции 1512 г. из собрания БАН (шифр 21.6.5), в котором таким же образом описаны 1542 иллюстрации.²⁸ После же того, как оказалось возможным более подробно ознакомиться с Креховской рукописью, выяснилось, что киноварные заглавия находятся именно в тех местах текста Повести, которые в Креховской рукописи иллюстрированы (на первых листах) или в которых оставлены места для иллюстраций. Таким образом подтвердилось, что киноварные заглавия Афанасиевского извода являются описаниями иллюстраций; вероятно, именно для того они и выделены киноварью, чтобы читатель мог легко отличить их от основного текста Повести.

К иллюстрациям Повести о Варлааме и Иоасафе мы вернемся ниже, а пока продолжим рассмотрение аргументов Н. П. Попова в пользу протокатолического характера Афанасиевского извода. Один из таких доводов — это наличие добавлений к тексту Повести, подчеркивающих значимость духовного сословия, монашества. Но особенностью всего метода Н. П. Попова является избирательный характер используемого им материала. Н. П. Попов отмечает лишь то, что подкрепляет его концепцию, а не рассматривает, допустим, в с е сокращения текста или в с е добавления. Так, отметив те дополнения, в которых подчеркивается роль монашества, он ничего не сказал о других, которые можно истолковать иначе. А в Афанасиевском изводе есть такие вставки, которые при желании можно было бы рассматривать как подчеркивающие величие и значение царской власти. Так, при описании выезда царевича Иоасафа из дворца, после того как царь разрешил ему выезжать на прогулки, после слов «. . повелѣ кони избрани въ златая сѣдла утворити и» добавлено: «оружники пребравше, иже мужи нарочити и силны, — яко единому кождо их на тысящу напахнути, — и тех до ста и м уоруживъ, яко же пред царемъ подобает шествовати» (стб. 2729).

Теперь остается сказать о предполагаемых Н. П. Поповым авторах Афанасиевского извода. Датируя извод второй половиной XV в. и отмечая в тексте извода дополнения, свидетельствующие о заинтересованности автора проблемой общежития монахов, Н. П. Попов из двух возможных, по его мнению, кандидатов в авторы выбрал Иосифа Волоцкого. Н. П. Попов сделал при этом интересное наблюдение о заимствовании Иосифом Волоцким большого отрывка о крещении Индии апостолом Фомой из Повести о Варлааме и Иоасафе, каковой отрывок Иосиф Волоцкий включил в текст первого слова своего «Просветителя», заменив имя Фомы на Андрея и название страны на Русь.²⁹ Но произведенное Н. П. Поповым сопоставление текстов³⁰ показало, что Иосиф Волоцкий использовал для заимствования не Афанасиевский извод, а другой текст, содержащийся в рукописи 1444 г. из Троицкого собрания № 687. Как мы теперь знаем, эта рукопись содержит болгарский извод Повести.³¹ Таким образом, факт заимствования Иосифом Волоцким отрывка из болгарского извода Повести

²⁸ В. Ф. Покровская. Как читал древнерусский книжник миниатюры лицевых исторических рукописей. — ТОДРЛ, т. XXIV. М.—Л., 1969, с. 167—170.

²⁹ Иосиф, игумен Волоцкий. Просветитель, или обличение ереси жидовствующих. Изд. 3-е. Казань, 1896, с. 28.

³⁰ Н. П. Попов. Афанасиевский извод. . . , с. 204—206.

³¹ Повесть о Варлааме и Иоасафе, с. 63—64.

скорее свидетельствует о том, что Иосиф не знал Афанасиевского извода, чем о том, что он был причастен к его составлению.

Интересные данные дает изучение состава библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря. Три списка Повести происходят из этой библиотеки: ГБЛ, Волоколамское собр., № 207 (614), XVI в.; ГИМ, Епархиальное собр., № 394, XVI в.; ГИМ, Епархиальное собр., № 393, 1522 г. Две первые рукописи содержат болгарский извод Повести, т. е. именно тот текст, который был использован Иосифом Волоцким. Третья рукопись содержит Афанасиевский извод, но она написана через 7 лет после смерти Иосифа Волоцкого, а потому не могла быть в его пользовании. Сохранилась опись Иосифо-Волоколамского монастыря, сделанная в 1545 г. В разделе этой описи, где перечислены книги, читаем: «Иосаф сербский старой. Да Иосаф Осифова писма Тферитина. Да два Осафа в полдесть».³² В настоящее время известны по крайней мере два сербских списка Повести, датируемые XIV в. (Новоспасский № 11 и Шукинский № 905 — оба хранятся в Государственном Историческом музее в Москве); не исключено, что один из них мог находиться прежде в библиотеке Волоколамского монастыря. Какой текст Повести был переписан Иосифом из Твери, мы сказать не можем, такой список не известен. А «два Осафа в полдесть» — это, видимо, и есть две рукописи болгарского извода Повести, использованного Иосифом Волоцким в «Просветителе» (уже упоминавшиеся выше списки Волоколамский № 207 и Епархиальный № 393).

Таким образом, нет никаких оснований считать Иосифа Волоцкого одним из авторов Афанасиевского извода Повести. Столь же шатки и аргументы, которыми Н. П. Попов пытался обосновать участие в составлении Афанасиевского извода монаха-доминиканца, якобы внесшего в Повесть католическую идею о превосходстве духовной власти над царской. Предположение же о том, что Афанасиевский извод предназначался «для создания дворцового переворота в целях борьбы истины с заблуждениями еретичества» (см. выше), в свете уже сказанного не требует более специального анализа.

Теперь остается рассмотреть, что же представляет собой Афанасиевский извод в действительности. Для этого придется снова напомнить, что перевод Повести о Варлааме и Иосафе на русский язык был сделан в Киевской Руси, вероятнее всего, в XI в., во всяком случае не позже первой половины XII в. Этот перевод полностью соответствовал греческому тексту, в нем не было ни сокращений, ни добавлений по сравнению с оригиналом. Об этом свидетельствуют два списка этого перевода, датируемые началом XVI в. (Соловецкий № 208 и Большаковский № 410). В неизвестное нам время, но по крайней мере не позже середины XV в. некий книжник произвел сокращение переведенного текста, Креховский список сохранил нам этот сокращенный текст. В руки автора Афанасиевского извода попал иллюстрированный (так же, как и Креховский) список такого текста, и этот автор пересказал содержание иллюстраций, с одной стороны, и дополнил сокращенный текст Повести, с другой. Прежде всего было несколько изменено и дополнено заглавие Повести. Приводим параллельно заглавия Креховского списка и Афанасиевского извода.

*Львовская науч. б-ка им. Стефаника,
ф. Василианского монастыря,
№ 419, л. 1*

*Афанасиевский извод
(по изданию ВМЧ, стб. 2704—2705)*

Изображение душеполезное изъ утрян-
ня Ефиопския страны глаголемыя
Ивьдийския страны в святыи град прѣ-
несено Иоанном мнихом мужем честным

Сиа книги принесена бысть изъ внутреняя
Ефиопиа, глаголемыя Индейския страны,
во святыи град Иерусалимъ Иоанном мни-
хом, мужемъ честномъ и добродѣтелным

³² В. Т. Георгиевский. Фрески Феррапонтова монастыря. СПб., 1911, Прил., с. 15.

и добродетельным сущаго от монастыря святого Савы. Господи благослови.

сущаго монастыря святого Савы. Изображение душеполезно. Господи, благослови, отче. Спя книга — царя Асафа дѣяние, ему же наказатель авва пустынникъ Варлаамъ.

Из этого сопоставления видно, что автор Афанасиевского извода подчеркнул повествовательный или скорее повестийный характер редактируемого им текста, добавив к заглавию слова «царя Асафа дѣяние», что заставляет вспомнить о «Девгениевом деянии». Этой же, по-видимому, цели служили и еще три вида добавлений.

1. Систематически по всему тексту Повести подлежащее либо дополнение, выраженные одним существительным или местоимением, замещаются сочетанием нескольких слов, дающим более полное описание происходящего. Например, во многих фразах слово «Иоасаф» заменено на «сын же царев Иоасаф». Часть фразы «Часто же отцю видить отрочате приходящую» в Афанасиевском изводе выглядит так: «Часто же отцю его царю Авениру приходящю в полату». К фразе «И иде, спя расматрпя себѣ» добавлено «царевич в полату свою».

2. Второй вид добавлений — многочисленные (более 150) обращения в прямой речи. Это обращения к разным лицам, более всего к самому царевичу, к которому обращаются с речами и отец, и Варлаам, и слуги. В греческом тексте и в соответствии с ним в первоначальном виде древнерусского перевода таких обращений совсем немного. В Афанасиевском изводе Варлаам обращается к царевичу «господи мой царевичю», «возлюбленное о Христе чадо, егоже Евангелием породих». В уста царя Авенира вложены такие обращения к сыну: «чадо мое любимое», «чадо мое драгое, возлюбленное ми паче царства моего», «свете мой Асафе». Царевич обращается к своему наставнику Варлааму со словами «Отче честный», «господи мой старче», «отче честная седино» и т. п. Но самое выразительное добавление такого рода вложено в уста царя Авенира и адресовано его советнику, принявшему христианство и удалившемуся от двора. К словам царя «О неразумне и умовредне, что ради премени честь студом. . . и рода своего остави. . . чад своих сиры оставил еси» добавлено обращение «медяная утроба», подчеркивающее жестокость отступника, по мнению царя (вспомним выражение «благоутробие», означающее в библейских и литургических текстах милосердие). Эти обращения придают речам действующих лиц Повести живой характер, нарушая несколько монотонный строй речей в первоначальном тексте. Нам кажется, что в этих добавлениях, так же как и в предыдущих (замена одного слова несколькими), сказалось стремление автора к этикетности: ему не нравится «он» или просто «царевич», эти слова заменяются на «сын же царев Иоасаф»; автору кажется неподобающим разговаривать с человеком, никак к нему не обращаясь, отсюда и многочисленные добавки-обращения.

3. Добавления к характеристике монахов (см. выше). Именно эти добавления навели Н. П. Попова на мысль об авторстве Иосифа Волоцкого. Но такие добавления могут принадлежать и просто монаху, скажем, сравнительно недавно принявшему постриг, и старцу, восторженно относящимся к совершаемому ими подвигу иночества.

Кроме этих добавлений в Афанасиевском изводе есть два сокращения в сравнении с Креховским списком. Первое из них относится к речи волхва Нахора, перечисляющего языческих богов. Прерывая этот рассказ, автор Афанасиевского извода пишет: «Подобает ли симъ всем, о царю, человеком уподоблятися и быти прелюбодеецам и лихое бѣсование и инехъ злыхъ дѣл, ихже грешный азъ Афанасие не дерзнухъ написаныхъ в книгахъ сихъ написати, но преступихъ. Срамно бо есть добръ и нелѣпо слышати, братие, еже Нахор глагола» (ВМЧ, стб. 2833). По наличию этой записки с именем Афанасия Н. П. Попов и предложил называть текст Афанасиевским изводом. Таким образом, неизвестный нам Афанасий сократил речь

Нахора, не будучи в силах переписывать перечень «злых дѣл». Второе сокращение текста находится в конце Повести и относится к описанию погребения Иоасафа. В Креховской рукописи эта часть текста занимает два листа (вместе с оставленным для миниатюр пространством). В Афанасиевском изводе это всего несколько строк текста. Эта разница явилась источником некоторых недоразумений. Еще А. И. Кирпичников обратил внимание на то, что разные славянские списки по-разному описывают погребение царевича, и сделал вывод о наличии двух греческих версий Повести.³³ Н. П. Попов увидел в этом изменении текста почерк автора-католика.³⁴ На деле все объясняется тем, что в руках Афанасия находился дефектный список, в котором недоставало последних листов. Текст рукописи в руках Афанасия обрывался словами «И песньми почтивше и слезы проливаше», к которым Афанасий добавил «И погребше блаженнаго тѣло близъ гроба Варлаамля, и сами разыдошася во своя, славяще Бога о всѣх дѣлах Его, яко Тому подобает всяка слава, вкупѣ Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно и вѣки вѣкомъ Аминь».

Старейший список Афанасиевского извода, Гарсовский № 713, датируется концом XV в. Извод широко распространен в списках XV—XVII вв. При переписке имя Афанасия исчезло из текста Повести, а к заглавию Афанасиевского извода было добавлено: «Житие и подвизи преподобных отец наш Варлаама и Асафа, списано преподобным отцем нашимъ Иоанном Дамаскыном», чем был подчеркнут житийный характер Повести. Это дополнение к заглавию впервые встречается в списке Епархиальном № 393, хранящемся в ГИМ (1522 г.). Кроме названных перечислим следующие старейшие списки извода: ГПБ, собр. Титова, № 968, конец XV в.; Софийское собр., № 1319, XVI в.; ОЛДП, F.443, XVI в.; ГБЛ, собр. Ундольского, № 241, XVI в.; собр. ОИДР, № 157, XVI в.; ГИМ, Чудовское собр., № 332, XVI в.

Теперь возвращаемся к вопросу о лицевых списках Повести. В византийской книжности Повесть является чаще всего иллюстрируемым памятником после Нового завета, Псалтири и гомилий Григория Богослова. Всего известно около 150 греческих списков Повести, из них шесть иллюстрированы. Иллюстрациям греческой Повести посвящена специальная монография.³⁵ По греческим спискам французская исследовательница С. Дер-Нерсисян установила два типа иллюстраций в списках Повести: в первом иллюстрирована лишь нарративная часть Повести, во втором — кроме нарративной иллюстрирована также и богословская часть. Только один греческий список, Парижской Национальной библиотеки № 1128, датируемый XIV в., содержит весь цикл иллюстраций — и повествовательной, и богословской части. Если мы обратимся к русским спискам, то отметим то же самое. Креховский список иллюстрирует (и оставляет места для иллюстраций) лишь повествовательную часть. Но существует русский список болгарского извода Повести, написанный в Самаре в 1629 г. переем Афанасием и «знаменованный», т. е. иллюстрированный, «многогрешным рабом Петром», в котором проиллюстрированы также обе части. Всего в этом списке 223 миниатюры, он хранится в собрании ОЛДП в ГПБ под шифром Q.XVII(45) и издан фототипически в серии изданий ОЛДП.³⁶ Но изучение русских лицевых списков Повести — дело будущего.

³³ А. И. Кирпичников. Греческие романы в новой литературе. Повесть о Варлааме и Иоасафе. Харьков, 1876, с. 170 и 182.

³⁴ Н. П. Попов. Афанасиевский извод. . . с. 212—214.

³⁵ S. Der Nersessian. L'illustration du Roman de Barlaam et Joasaph. Paris, 1936.

³⁶ Житие и жизнь преподобных отец наших Варлаама пустынноика и Иоасафа царевича Индийскаго. — ОЛДП, вып. 88. СПб., 1887.

В предыдущем томе ТОДРЛ помещена статья «К истории древнерусского Пролога: Повесть о Варлааме и Иоасафе в составе Пролога». В данном приложении публикуются тексты из Повести, помещенные в Прологе. Если в статье о Прологе обзор этих текстов дается в хронологической последовательности включения их в Пролог, по редакциям Пролога, то здесь же они публикуются в порядке их следования в Прологе, т. е. в календарном порядке. Текст издается по рукописи ГПБ, СПб.ДА, А I 264. Рукопись датируется XIV в. и представляет собой единственный полный экземпляр Пролога за обе половины года среди пергаменных рукописей. В одном случае, а именно память семнадцати пустынножителей, сожженных царем Авениром (27 ноября), публикуется по списку ГПБ, собр. Погодина, № 59, XIV—XV вв., так как в рукописи Духовной академии лист с этим текстом утрачен. После притчи о трех друзьях из мартовской половины Пролога, завершающей собой «комплект» текстов из Повести о Варлааме и Иоасафе в составе Пролога, публикуется притча «О ходящих в мнишьский чинь», которая находилась в составе Пролога первой редакции и была выпущена из второй. Притча издается по древнейшему списку Пролога, содержащему тексты из Повести, — ГПБ, Софийское собр., № 1324, XII—XIII вв. И в самом конце публикуется псевдоэпиграф, притча, приписываемая Варлааму, но не имеющая никакого отношения к тексту Повести.

Разночтения даются по рукописям Софийской № 1324 и Погодинской № 59, обозначенными С и П. Разночтения даются только в случаях исправления текста.

ГПБ, СПб.ДА, А I 264, т. 1.

17 ноября

л. 115
об. — 116

ВЪ ТЪ ЖЕ ДЕНЬ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ВАРЛАМА ПУСТЫНЬНИКА

За Ефиопскою страну глаголемою Индискою бяше страна Сенаридоская, в ней же пустыни есть велика, и ту живяху отци святии пустыньници. В них же бысть мнихъ етеръ премудръ, божественнымъ житьемъ и словомъ украшенъ и святительствомъ свершенъ, именовъ Варлаамъ. Вѣчная възлюбивъ паче временныхъ, паче же рещи ангельскимъ живы житьемъ, бдѣниемъ и молитвами, смѣреньемъ и постомъ тѣло свое удручивъ, от всѣхъ удалився мнихъ, по той же Сиридѣйскѣй пустыни хоженье створивъ и въ препустынную дальнюю пустыню шедъ. И бысть ему откровенье о сыну царевъ о Асафе. И сволкъ ризы черньския и облечеся въ мирския ризы. И в лодью всѣд, приде въ царство Индиское и вниде в Домъсь градъ в полату цареву Иасафову, яко добръ купецъ показая ему многоцѣнны бисеръ, Господа Иисуса Христа сына божия сказа ему и много научивъ от святыхъ книгъ и крестивъ во имя Отца и Сына и Святого Духа и створивъ его доброе овча словеснаго стада Христова, оставивъ ему малую манатицю, иде опять в Сенаридьскую пустыню внутренюю и большимъ подвижаньемъ подвижашеся къ Богу, от фюникъ токмо, от воды тѣло свое кормя. И тако бысть лѣта многа, чисто и непорочно ангельское житье поживъ, старъ сы, къ Господу отиде.

17 ноября

л. 116
об. — 117

ВЪ ТЪ ЖЕ ДЕНЬ ПОУЧЕНЬЕ ВАРЛАМА КЪ АСАФУ,
ПАЧЕ РЕЩИ НАМЪ

Послушайте, сынове братия, что подобает творити по крещении. Всякого грѣха и всякой страсти отвречися, приздати же къ основанью вѣры добрая дѣла, зане ¹вѣра кроме дѣлъ ¹мертва есть, тако и дѣла кромѣ

¹⁻¹ Доб. по П

веры мертва суть. Вѣщаетъ же апостоль: Духомъ шествуйте, желаный плотскихъ не творите, яже суть прелюбодѣянья, нечистота,² зазренье, идольслуженье, отравленье, вражды, рвенье, ярость, коромола, еретичство, сребролюбье, клеветы, пьянство, плясанье, гордыни, подобная симъ, яко си творяще царствия Божия не наследятъ. Плодъ бо духовный есть¹ любви, радость, миръ, долготерпѣнье, благовѣстия,³ благотворенье, вѣра, кротость, въздержанье, святости души и тѣлу, смиренье, сердечное скрушенье, милостыни, безлобье, человеколюбье, бдѣнье, истовое покаяние всѣмъ прегрѣшенемъ преже бывшимъ, слезы покаяню всѣмъ прегрѣшенемъ преже бывшимъ, рыдая⁴ о своихъ грѣсѣхъ и о искренняго. Сими добрыми дѣлы прославимъ Отца нашего, иже есть на небесѣхъ. Любите враги ваша, благословите кленущая вы, молитесь о напастующихъ вамъ, добротворите навидящимъ⁵ вас и гонящимъ, яко будутъ сынове Отца вашего, иже есть на небесѣхъ, яко солнце сияеть на злыя и на благия и одождит на праведныя.⁶ Не осужайте, не осужени будете. Оставьте, оставится вамъ. Не скрывайте скровища на земли, идѣ же тля тлеть и татье подокоповаютъ и крадутъ, скрывайте себѣ скровища на небесѣхъ, идѣ же ни червье, ни тля тлеть, идѣ же ни татье не подокоповаютъ, ни крадутъ. Идѣ же бо суть скровища ваша, ту будутъ и сердца ваша. Не пѣтеся на утрия, ибо утренняя о собѣ печется. Вся убо, елико хотите да творять вамъ человеци, и вы тако же творите имъ. Внидете узькими враты, яко широк и пространъны путь воводяй в погибель и мнози суть ходяще по нему. Узьки же и прискорбный путь, вводяй въ животь, и мало обрѣтають ѿ. Не всякъ глаголяй ми, Господи, Господи, внидетъ въ царство небесное, но творяй волю Отца моего иже есть на небесѣхъ. Любяй отца и матеръ паче мене нѣсть мене достоинъ, любяй сына или дщерь паче мене нѣсть мене достоинъ, иже не приемлетъ креста своего и вслѣдъ мене⁷ грядеть, нѣсть мене достоинъ. Сия и подобная симъ заповѣда Спась апостоламъ учити вѣрныя, и сия вся подобна суть намъ хранити, аще любимъ свершенье получитьи и нетлѣнныхъ сподобитися правды ради, их же ради дастъ Господь въ день онъ, праведный судий всѣмъ възлюбившимъ просвѣщенье его. Богу же *(текст недописан)*.

18 ноября

ВЪ ТЪ ЖЕ ДЕНЬ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО ПАСАФА
ПУСТЫНЬНИКА, СЫНА АВЕНИРА ЦАРЯ

л. 117 об.
— 119 об.

Въ Ефиопьстѣй странѣ глаголемѣй Индийстѣй вѣста царь богатъ велми и славенъ именемъ Авениръ. Во идольслуженьи иже душу свою помрачивъ, крестьянскаго же роду и мнишьскаго отинудъ ненавида сия. И се ему родися отроча велми красно и от свѣтлости велми цветуще ему. Створи праздникъ о рожествѣ его, яко всей земли быти у него. И створи имя ему Асафъ. И призва ѿ и ѿ звѣздочтець, и вси⁸ отрочати прорекоша цареви. Единъ же рече старѣ ихъ: «Не въ твоє царство будетъ отроча се, но во ино⁹ лучшее. Мню же и тобою гонимѣй въ крестьянскую вѣру прияти его Богу». Си слышавъ, царь печаленъ бысть. И създа полату в градѣ Домосѣ красну и велику и ту отроча весели¹⁰ и повели¹¹ не изити ему от нея. Пѣстуня же и слугы пристави к нему уныи и красныи и за прѣли ничего же не явити ему от житья сего скорбнаго и печалнаго, ни о смерти, ни о старости, ни о болѣзни, ни о нищетѣ, да не възмутить его печаль, но вся възлюбленная и весела являти ему. Мнишьски же чинъ за 7 дни повелѣ изгнати от своя земля.

Сынъ же царевъ призвавъ от пестунъ единого и рече: «Створю тя отселѣ друга себѣ. Яви ми истиньно, почто держитъ мя отецъ в полатѣ сей неис-

² Испр. по П ³ благостыни П ⁴ рыдание П ⁵ ненавиждающимъ П ⁶ Доб. и не на праведныя П ⁷ Доб. не П ⁸ Доб. о П ⁹ Стерто, доб. во П ¹⁰ всели П ¹¹ повеле П

ходна». И вся исповѣда ему. И глагола отцю пришедшу к нему: «Вѣдай, отче, в печали есмь велицѣй и въ скорби, зане не пуцаеши мене ис платы». И въскорѣ царь повелѣ уготовати ему конѣ и оружники и и҃грѣци, да ѣздятъ въ весельи, и запрѣти да не видить стара, ни нища, ни глуха, ни слѣпа, но вся отгонить, уду же ѣхати ему. То тако же ѣздя, сынъ царевъ видѣ единою забывшимся слугамъ отгнати мужа два, единою прокаженъ, а другой слѣпъ. И съжалив си, глагола къ сущимъ с нимъ: «Кто си ес(т)а сякова?» Они же рѣша: «Страсть¹² есть человечска, иже от труда ключится и от сдравья превратится». Сынъ же царевъ еха домовъ печалень. И паки ему шествующю устрѣте старца слуга и сѣда, скорчившимся лицомъ и испадшимъ зубомъ, и глагола имъ: «А се кто сице есть?» Они же рѣша: «Се престарѣлся уже есть, и тако изнемогающую ему варить смерть». И си слышавъ, уноша въздѣхнувъ из глубины сердца, рече: «О горко житѣ се и всякоя печали исполнь», и бысть въ скорби.

Бысть откровенье Варламу в пустыни, и оболкъся въ мирьскыя ризы, и приде въ царство Индиское и створився кушцемъ, и приде къ полатѣ царева сына и глагола пѣстуню: «Повѣжь мя сыну цареву, азъ есмь купецъ, имамъ камыкъ многоцѣннъ честный, и свѣтитя от него вся земля». Посла та¹³ иже повѣда въскорѣ сыну цареву Асафу. Възва ѣ к собѣ и цѣловавъ, повелѣ ему сѣсти: И рече: «Покажи ми многоцѣннаго того камыка». Варламъ же рече: «Не имѣя еще сдрава зрака и честна тѣла, не можеша видѣти его, но преже умягчи ниву сердца своего и всѣ словеса моя, глаголаная к тобѣ». Асафъ же рече: «Азъ желаньемъ одержимъ, ищю слова блага слышати, огонь бо внутрь сердца моего злѣ мя опаляеть». Варламъ же нача преже притѣчами глаголати к нему о убогихъ и о богатыхъ, дабы ему сладко внимати, потомъ нача ему сказати все по ряду, от Адама и до потопа, от потопа до Аврама, от Аврама до Мосѣя, от Мосѣя до Давыда, от Давыда до самого Христа и Спаса, Сына Божия. Асафъ же рече веселымъ сердцемъ: «Егда се есть бисеръ, его же ми хотѣ показати, зане просвѣти ми очи сердечиѣ». И много поучивъ от святого еуаггелья и от святыхъ апостолъ, крести во имя Отца и Сына и святого духа, и пребысть у него нѣсколько дний и утверди въ вѣре, и оставивъ ему малую манатьицю, юже утръ на тѣлѣ ношаше, иде опять в пустыню.

Наузардалъ же, старѣе от пѣстунъ его, повѣда вся цареви, юже створи Варламъ сынове его вся благая. Царь же, се слышавъ, бысть в печали велицѣй. Призвавъ друга своего Архию, юже бѣ подъ царемъ, и иде къ сынови въ полату и много моляшеть отрещися вѣры крестьяньския и паки прѣтяшеть ему. Асафъ же бе сумнѣнья обличашеть отца в таковой прелести суца. Царь же посла на взысканье Варлама в пустыню и не обрѣтше его, избиша инѣхъ черноризецъ много. Многи же волхвы призвавъ на прѣнье с сыномъ, в них же бѣ старѣй Нахоръ. И тѣ бѣ яко древній Валамъ и исповѣда вѣру крестьяньскую и шед в пустыню и бысть мнихъ. И призвавъ Февду волхва, и много и тѣ кушався на божественаго уношу, побѣженъ бысть съ духы и тѣ, шедъ в пустыню и бысть мнихъ. Архий же положи свѣтъ къ цареви: «Дай же, рече, ему половина царства, да накажется». И послуша его царь дати Асафови половина царства.

Иасафъ же ѣха въ свою власть, идѣ же ему отецъ далъ, и сзда¹⁴ вся крыющася въ горахъ крестьяны и епископа, преже изгнана от своего стола, и сзда церковь велию посреди града во имя Иисуса Христа и скруши кюмиры, испроверже капища. И сзва вся люди по градомъ и по селомъ и повелѣ епископу крестити вся приходящая и учаше я самъ вѣрѣ крестьяньстѣй. И бысть видѣти радость велию на небеси и на земли не о диномъ¹⁵ человецѣ кающемся токмо, но о всей земли той, юже просвѣти Асафъ святымъ крещеньемъ. Се слышавъ, Авениръ царь и самъ крестися. И предавъ все царство¹⁶ другу своему, иже бѣ под нимъ, оболкъ-

¹² старость П ¹³ пестунъ же П ¹⁴ созва П ¹⁵ единомъ П ¹⁶ Доб. Архию П

кѣся въ мнишьскыя ризы и иде къ Варламу въ пустыню, въ кѣ лѣтъ възраста своего лишися царства своего. Пребысть же в пустыни с Варламомъ лѣтъ лѣ в постѣхъ и въ молитвахъ и въ слезахъ, и почиста о Христъ. Духовнии же мужи положиша въ единомъ гробѣ и възвѣстиша цареви Архию о нею. Царь же съ епископы и попы шедъ въ пустыню, взя телеса блаженую отцю и принесе въ царствующий градъ и положи въ церкви святого Спаса, славяще Христа.

18 ноября

ВЪ ТЪ ЖЕ ДЕНЬ СЛОВО О ВИДѢНЬИ АСАФА

л. 119—

119 об.

Исходящю убо святому Варламу от Асафа, глагола ему Асафъ: «Възми, отче, злата себѣ в пустыню брати». Варламъ же: «Како убогъ сы богатымъ даеши, а ¹⁷ ища у нихъ богатства». Иасафъ не разумѣя рече: «Ци имеютъ злата в пустыни?» Варламъ же рече: «Имеютъ убо богатство нетлѣнное на небесѣхъ, но обаче рку ти, егда и ты будеши богатъ, тогда будеши скупъ, ни своему родителю не вдати начнеши». И се глаголавъ и ина многа отъ святыхъ книгъ, и помолися Варламъ Богови и утверди въ вѣрѣ, давъ ему цѣлованье о Христъ, и изиде въ пустыню.

По отшествии же Варлама болма подвизашеся к Богу Иасафъ молитвами и слезами, въздрѣмався, успе. И видѣвъ себе възхищена на рай, и видѣ вся благая и неизреченна съгляда, ихже ни слово человеке не можетъ изрещи, ни око видѣти. Посреди же тоя породы бѣ градъ чюдень от злата чиста и многоцѣннаго каменя, и мужи крилати пояху пѣсни и страшны. К ним же рече Асафъ: «Хотѣлъ быхъ быти сдѣ». И рѣша к ему: «Аще хочещи быти сдѣ, иди ныне подвизася Христа ради».

Очютився Асафъ от видѣнья, болшимъ подвизаньемъ подвизася к Богу, и въведъ всю землю Индийскую въ крещенье и отца крестивъ, и иде в пустыню къ Варламу. И преставися преже Варламъ, и погребѣ Асафъ и сѣде плачася близъ гроба его. Сѣдящю же ему успе. И видѣ страшныя оны мужи. И въведоша въ ону же страшную и неизреченную велику радость и в пресвѣтлый онъ градъ. Выходящю же ему въ врата и усрѣтоша етери свѣтлии, вѣнца носяща пресвѣтла два, изрядною красотою сияюща. Выпрашающи же о нею Асафу, глаголаша ему: «Твой есть единъ, зане многи душа спасе и постничьствомъ украшен. Другий же отца твоего, но тобою данъ будетъ ему». Асафъ же, негодуя, рече: «Како равно даровъ сподобитися отцю со мною, ничто же тружьшюся». И явися ему Варламъ, глаголя: «Не рѣхъ ли ти, Асафе, древле, егда будеши богат, тогда скупъ и неподатливъ. Како негодова нынѣ равночестья отча, а не паче възвеселишися душею о немъ». Моля же ся Асафъ Варламу, дабы ему явилъ, идѣ же самъ живетъ. Глагола Варламъ: «Посреди града жилище мое. Но аще ты подвизаешися мужьски, и ты ту же вселишися». Иасафъ же очютився от видѣнья, в большее подвизанье вниде и, мало пребывъ, преставися въ пресветлый онъ и неизреченный градъ о Христъ Иисусѣ.

19 ноября

ВЪ ТЪ ЖЕ ДЕНЬ ПРИТЧА СВЯТОГО ВАРЛАМА
О ВРЕМЕНЬНЪМЪ СЕМЪ ВЪЦѢл. 120
об.—121

Сего свѣта житье человеческо маловременно. Подобно есть мужю бѣгающю бѣснующемуся инърогу, яко не терпящю вопля и гласа его и рютя его страшнаго, но крѣпокъ отбѣгъ, да не будетъ ему ядь. Текущю же ему въ великъ ровъ впаде. Впадающю же ему руцѣ простеръ, за древо твердо ятѣся. Держащю же ему крѣпко, яко на степени нозѣ утвердивъ, мняше уже есть твердыни. И възрѣвъ же убо и видѣ двѣ мыши, едину бѣлу,

а другую черну, ядуци беспрестани корень древа, иже бѣ держася. Сима же приближающимася да подыгрызета древо. И възрѣвъ въ глубину рва и видѣ змя страшна образомъ, огнемъ дышюща, усты же страшно зѣвающа и пожрети его хотяща. И възрѣвъ же на степень онъ, идѣ же нозѣ его утвержденѣи быша, и видѣ $\bar{\Delta}$ главы аспидовы, изъ стѣны исходяща, идѣ же бѣ утвердился. Възрѣвъ же очима и видѣ из вѣтвих изъ древа того мало меду. Оставивъ убо рассмотривъ¹⁸ одержащихъ ему напастий, яко виѣуду инърогъ злѣ бѣснуяся искашеть его на ядь, долѣ же злый змий и зияя да пожреть его, древо же о нем же яться уже пасти ся хотяше, нозѣ же на скокользенье нетвердо на степени утвержени, толико убо и таковыхъ злыхъ забыть, подщавъ себе на сладость малого оногю меду.

Се подобье въ прелести сущимъ, сего жития створшимъ сию истиньну нынѣ изглагола ти. Ибо инърогъ образъ есть смерти, гоняй воину¹⁹ яти послѣдствуеъ Адамля рода. Ровъ же весь миръ есть, исполнь сы всѣхъ есть сѣтый смертоносныхъ. Древо же, от двою мышью беспрестани грызено, путь есть, яко жившю комуждо яко дымъ погыбнуть час ради дневныхъ и ноцныхъ, и усѣкновенье коренное приближается. $\bar{\Delta}$ же аспиды еже о прегрѣшенныхъ и безвѣстныхъ стухий съставлено человеческое тѣло съставляется, им же бещньствующимъ и мятущимся, телесны раздрушающи²⁰ сставы. Къ сим же огненныхъ²¹ онъ немилостивый змий страшно изобразуетъ адово чрево, зѣвающю прияти иже сущихъ красотъ паче будущихъ благъ изволиша. Медвеная же капля сладость пробавляетъ всего мира сладкихъ, богатство и златолюбье и сребролюбье и славохотье. Еже мы, ведущю²² будущую смерть и бес конча муку и вѣчное царствие божие, не лишимся славохотья мира сего, ищющи богатства, гордыни, пьянства, велерѣчья, ходящи²³ смерть напрасно вся ны възхитаетъ и въ адъ воводить. Да лѣпо бы намъ, братие, остатися тоя славы и суетнаго богатства и всѣхъ злыхъ дѣлъ и възприяти добрая дѣла, плоды духовная, имъ же обрѣсти царство небесное.

22 ноября

ВЪ ТЪ ЖЕ ДЕНЬ ПОУЧЕНЬЕ СВЯТОГО ВАРЛАМА
О ЖИВОТЬ О СМЕРТИ

1. 127
— 128

Градъ великий²⁴ нѣкий и слышавъ²⁴, его же гражане обычай имѣяху от древнихъ примати чюжа нѣкоего мужа, ни разумѣюща о законѣ града того, ни обычая ихъ отинудъ вѣдуща,²⁵ и сего царемъ поставиша у себе и всю власть принимши и свою власть²⁶ невѣзбраньмо держати, дондеже скончася одно лето. Таче внезапно в тыя дни сущю ему бес печали, питающе же ся ему обло беспрестани, мвнщю же ему царствие въ вѣкы пребывающее, всташа на нь и царскую одежду иснемше с него, пага поругашася ему по всему граду и на озимъствованье послаша его далече въ великий нѣкий островъ пустъ, в нем же ни пища имѣ,²⁷ ни одежда, но злѣ стража, но²⁸ надѣюще же ся ему пища и веселья, но всегда скорѣбни чаяннѣ надежа посланому. Послѣди же по обычаю гражанъ тѣхъ поставлен бысть никый мужъ в царство, тожъ разума много имѣи и промышленья имы в себѣ, да како послѣ же не възхищенъ будетъ, не²⁹ же внезапно бывшее ему обилие, ниини же преже его царствовавшимъ и злѣ изгнаномъ не печалованья. И възревновавъ, в печали имяши³⁰ душею подвизанье, како убо о себѣ добре исправи, чадовъ³¹ же свѣта истовавъ, увидѣвъ³² нѣкимъ свѣтникомъ премудрымъ обычай гражанъ тѣхъ и мѣсто озимъствованое, яко же подобаетъ ему твердо бес прелести увѣдѣти, яко же убо сия увидѣ, яко коли любо в том же островѣ быти ему, сущю же ему чюжю

¹⁸ рассмотрити С ¹⁹ выну С ²⁰ раздрушаеъ С ²¹ огненный С ²² вѣдуще С ²³ и тако в неведении приходящи С ²⁴⁻²⁴ слышашъ С ²⁵ не вѣдуща С ²⁶ волю С ²⁷ не пмий С ²⁸ не С ²⁹ Се С ³⁰ имяше С ³¹ частаго С ³² уведа С

царствия. Отверзь скровища своя, ихъ же еще въ область имяше и невзбранно требованье, вземъ на требованье злата и сребра и камыкъ многоцѣнныхъ множество, вѣрнымъ рабомъ своимъ дасть и въ онъ островъ посла, идѣ же посланому быти. Скончавшю же ся реченому лѣту, вставше же гражане, яко и перваго царя, на озимствованіе послаша ѿ. Прочии бо неразумнии времени цареви первии.³³ Се же богатство оногo прежде пославый во обилѣи воину живяше и пищу неизѣдому имѣяше, и страха всего отвергъ невѣрныхъ злыхъ гражанъ онѣхъ.

Градъ убо, братье, суетный си миръ. Гражане жъ начальствія, власти бѣсовъ миродержць тма вѣка сего, лстящемъ насъ сладкимъ прелестнымъ богатствомъ и пищама житья сего вѣкладающимъ намъ в мыслѣ имѣти всегда яко тлѣнно³⁴ житье се мимитекуще временное. Царя праведники и грѣшники, иже кто в житѣ³⁵ семь насъ живеть, внезапно приходящій³⁶ смерть всхититъ и въ преже глаголаный островъ в онъ вѣкъ. Аще будетъ добрѣ жили в житьи семь дѣлы благими, вѣроу и кротость, въ здержаньемъ, милостынею и постомъ, и тако поимут ны ангели блази и въ вѣчную жизнь живую. Аще ли злѣ живемъ дѣлы скверными, и поимут ны ангели страшнии и предаять ны бѣсомъ немилостивымъ, и тако ведут ны во дно адово и въ уготованое,³⁷ яко глаголетъ, въсприимѣте же кождо по дѣломъ своимъ. Да се вѣдущимъ намъ лучъ³⁸ бы ны плоть въздержати от блуда и душу от пьянства, сердце от высокоумья и от сребролюбья, языкъ от вельричья и от клеветы, руцѣ от тадбы, от разбоя и въсприяти дѣла благая, ими же поживше, улучимъ вѣчную жизнь.

23 ноября

ВЪ ТЪ ЖЕ ДЕНЬ ПОВЕСТЬ³⁹ СВАТОГО ВАРЛААМА КЪ АСАФУ
О КРЕСТЬЯНЬСТВѢ ЖИТЬИ И О БОГАТСТВѢ И О НИЩЕТѢ
СИРЕЧЬ О ЦАРСТВИИ НЕБЕСНѢ И О МУЦѢ

л. 129
— 129 об.

Слышахъ убо царя нѣкоего бывша, зѣло добрѣ смотряюща своего царствия, кротокъ же и милостивъ послѣднемъ⁴⁰ сущимъ людемъ. Сим же единемъ блазняшеса, яко же⁴¹ благоразумнаго просвѣщенья, но кознью дьявольскою одержимъ бяше. Имѣяше же нѣкоего свѣтника блага и всякимъ украшена еже къ богу благочестьемъ и прочее всею добродѣтелию и премудростью. Печалуя и скорбя о прелщенѣ царевѣ и хотя его о семь обличити и удержатся от таковыя вещи, бояся, зане злу исходатай и себе же и своей дружинѣ будетъ обиваемъ многимъ на ползу, обаче искаша време негодна, да привлечеть его на благое. Рече убо единою царь ноцью к нему: «Приде,⁴² да изидевѣ и походивѣ по граду, еда что убо на ползу узрѣвѣ. Ходящима же по граду и видѣста свѣтлу зарю в горѣ от оконца сияюща, и к тому оконцю очи приложивша,⁴³ узрѣста подъ землею мѣсто яко вертльп жилище, в нем же сѣдыше мужъ, в послѣдней нищетѣ жива⁴⁴ и худыми рубамаи обочень. И предъстояше ему жена его, вино череплющи. Мужю же чашю приемшю, и сладкую пѣснь пояше и веселье ему творяше, пляшющи и мужамаи⁴⁵ похваляющи.

Окрестъ же царя сущии вся сия слышаще, чюдидаша, яко в таковой нищетѣ сущема тяжьцѣй, яко ни дому имеюща, ни ризъ таковымъ веселымъ житьемъ пребываста. И глагола царь къ свѣтнику своему: «Оле чудо, друже, яко и мнѣ и тебѣ никогда же наше житье тако изволи в такой пицѣ и славѣ сияющема, яко худое се и оканье житье таковых и неразумныхъ насладитъ и веселымъ тихимъ житьемъ». Отвѣщавъ, свѣтникъ рече ему: «О царю, не яже бо ты видиши, тако разумѣваеши. Се бо тайна крестьянская есть, никого же бо Христось не нудитъ к собѣ, но вещьми разумъ даетъ, да от тѣхъ познаемъ его. Въ царство небесное ввводитъ, а не въсхотѣвшимъ разумѣти его безъ отвѣта въ муку вмещеть». Ноцъ

³³ нет С ³⁴ нетленью С ³⁵ житьи С ³⁶ приходя С ³⁷ Доб. зло С
³⁸ луче С ³⁹ поучение С ⁴⁰ под ним С ⁴¹ Доб. не имяше С ⁴² приди С
⁴³ приложпста С ⁴⁴ живя С ⁴⁵ мужа С

есть живота сего жизнь, исходъ же есть царевъ, иже слышати душеполезное слово. Пещьра жь глубокая дѣла Христова церкви, пророки дозрима и апостолы устроена. Мал ⁴⁶ же в рубы оболченая правовѣрныхъ крестьянь душа цѣломудриемъ оболчена. Поеть же сладкия песни богодухновеная писанья. Веселять же пляшущи умершвление плотскихъ похотий. Пьеть же чашю кровь святую Христову, от нея же животъ вѣчный приемлють по глаголющему пророку: «Упьются от обилья дому твоего».

Асафъ же рече: «Скажи ми, отче, о них же рече, ибо не худѣ мя веселять». Варламъ же рече: «Егда пустыню постигнеши, ⁴⁷ тогда вся увѣдавъ всѣмъ скажеша яже о Христе».

25 ноября

ВЪ ТЪ ЖЕ ДЕНЬ СТРАСТЬ СВАТОЮ ОТЦЮ НАШЕЮ,
ЕЮ ЖЕ ЖИВУ СЪЖЖЕ АВЕНИРЪ ЦАРЬ

Въ Индийстѣй странѣ вѣста нѣкто царь богатъ зѣло и велми славенъ именованъ Авениръ. И въздвиже гонящие на крестьяны, изгоняше мнихи изъ градъ своихъ, ис пустыни и еще не крестьянь сый. И ѣдущю же ему на ловитву звѣриную и видѣ два мниха в пустыни шествующа. Ею же повелѣ яти, къ престолу своему привести. Съ гнѣвомъ же возрю ⁴⁸ на ня, словомъ же яко огнемъ въздохнувъ, рече: «Нѣсте ли слышале, о блазнители и прелестници, проповѣдникомъ въпиоцимъ, да ся не обряцете вашего чину и злобствия за 7 дни или въ странѣ моей или в области. Аще ли по трехъ днехъ обряцется, огнемъ сожгу и отинудъ». Мниха же отвѣщаста: «И яко же повелѣ, и исходимъ от страны твоея, от града, далече жилище творяще. Се же и путь намъ предлежитъ, да доидемъ браты своей, требуютъ бо пища, и се убо доносимъ, да имуть пищу, да не съ гладу ядь будетъ». Рече же царь: «Смерти бояся ли прелещенья, ⁴⁹ не праздноуетъ бо наше ⁵⁰ ошествие пища». «Добрѣ, рече, царю, смерти боящися въ пили ⁵¹ суть, но мимотекущаго сего житья предъстоящимъ но ⁵² тѣмъ ужасающимъся, иже блага ничто же обрѣсти тамо, ни убо ⁵³ отторгновење ⁵⁴ имуть от сущихъ, и сего ради бояся смерти. Мы же, оставивше всего мира и суцая в мирѣ, узьки и прискорьбный путь шествующихъ ⁵⁵ Христа ради, но ⁵⁶ смерти боимся, ни сущихъ сдѣ любимъ, но будущихъ желаемъ, зане вами приносимая смерть приятъе бываетъ къ вѣчнѣй жизни лучшею. ⁵⁷ Възлюбленный намъ паче есть ли страшенъ. Тѣмъ царю, яко ужики забыти рекше мнихома, рече: «Вѣщайта, рече, что ради сама ⁵⁸ отидоста, яко же и повелѣхъ, аще не боитася смерти, и яко избѣгнути хотѣста, тѣмъ всуе хвалитася лжюще». Отвѣщаста мниха: «Не то бо смерть прѣтимое, яко бѣгаевъ, но милующую тя, да не болшему осуженью вина та будевѣ. Замыслиховѣ отити, аще ли еси наю на се привель токмо, прещенья твоего николиже устрашивѣся».

Сего ради царь разгнѣвася и повелѣ я огнемъ съжечи. Смерть же приятъа Христова угодника, огнемъ мученичскый подвигъ и вѣнца получиста. Но обаче прия по семь крещенье Авениръ царь смиреннымъ ⁵⁹ сыномъ своимъ Иасафомъ и в покаянье вниде.

ГПБ, собр. Погодина, № 59, л. 154—154 об.

27 ноября

ВЪ ТЪ ЖЕ ДЕНЬ СВЯТЫХъ ОТЕЦЪ ЗѢ ПУСТЫННИКЪ

Въ Индийстей странѣ бистъ Авениръ царь во идолослужении и еще сый прелести велицѣ. Родися у него сынъ Асафъ. Къ сему же приде святой Вар-

⁴⁶ мала жена С ⁴⁷ достигнеши С ⁴⁸ взре С ⁴⁹ прещения П ⁵⁰ на П
⁵¹ печали П ⁵² ни П ⁵³ удобъ П ⁵⁴ отринование П ⁵⁵ шествующе П
⁵⁶ ни П ⁵⁷ лучшей П ⁵⁸ за мало П ⁵⁹ с смиреннымъ П

лам ис пустыня научая и огласи я святымъ крещениемъ. Слышав же царь Авенир посла друга своего Архию в пустыню на взыскание Варлаама. Архия же в пустыню иде. На конецъ же единая горы став, узрѣ под горою следъ пустынный шествующихъ и абѣ всѣмъ растещися повелѣ. И рассунушася аки пси мнози или зверье лютии, ненавиждаше человека. Таче яша ѿ и привѣдоша ко Архию. Бысть же инѣхъ зѣ. Бѣ же в нихъ старѣй наставникъ носяще мехъ власянъ исполньнъ мощи преже преставленихъ святыхъ отецъ. Архия же рече к нему: «Где есть прелестивый сына царева?» Мехъ же носимый отвѣщеваше: «Нѣсть в насъ его, не буди тако, бегаеши бо насъ Христовою благодатью гонимъ». Архия князь отвѣщавъ: «В васъ ли селитву имать или знаеши его?» И отвѣща пустынный: «Свѣдаю прелестника глаголема, иже есть дьяволъ, посреде васъ жива и вами служимый и угодивый». И глагола князь о Варлаамѣ: «Азъ искушение имамъ и сего хоощу увѣдети, где есть. Да что, вѣща, инако ина глагола, о прелестившаго сына царева нарече, ибо аще Варлаама впрашаеши, подобаетъ ти отинудъ рѣщи, где от прелести отвративый сына царева. Онъ бо братъ нашъ есть и постникъ великъ». Архия же повелѣ вести ко цареви бѣюща. Яко видѣ я крестьяны, раждегся яростью, повелѣ бити, повергыше безъ милости, дондеже видѣ тѣло ихъ злѣ ранами разбито. И рече имъ: «Почто сия мертвечая кости носите?» Божественаго полку старѣйшина мнихъ глагола: «Кости сия святыхъ мужъ имеемъ в память и поучаемъ другъ друга к смерти». Царь же много испытание створи о нихъ о Варлаамѣ и прелестники нарицающа, глагола: «Яко вы прелещаете человеки кланятися Иисусу». Они же бе сумнения исповѣдаша истиннаго Бога Спаса нашего Иисуса Христа. Царь же повелѣ языки ихъ урезати, извѣртети же очи ихъ, руки же и ноги ихъ усѣкнути, отвѣту же бывшую предъстоящимъ и оружници суровии безъ милости языки ихъ влѣкуще удами и урѣзаху и очи железными рожны исбодоша, ремнемъ руцѣ и нозѣ стягше усѣкнуша. Блаженнии честнии доблии избрании, яко на пищу зовѣми, мужьскы шествоваху к мукамъ, другъ друга тешаще, к смерти же страха Христа ради шествоваху. Такими убо многими муками терпѣливыхъ душъ Господевы предаста святии постници числомъ зѣ въ вѣчный животъ.

ГПБ, СПб.ДА, А I 264, л. 136 об.—137 об.

28 ноября

ВЪ ТѢ ЖЕ ДЕНЬ СЛОВО ПРИТЧА СВЯТОГО ВАРЛААМА
О БОГАТЫХЪ И О УБОГИХЪ

Бѣ нѣкий царь великий⁶⁰ славенъ. Бысть же ему шествовати на колесницѣхъ позлащенѣхъ и оружници, яко же и подобаетъ царемъ. И срѣте два мужа растерзанами ризами и сквернами оболчена суща, скура же лицемъ и zelo побледневша, бе же царь сею знаю,⁶¹ телеснымъ томленьемъ и постнымъ трудомъ и потомъ тѣлу извѣдаему. И яко узрѣ я, и скочи абие ис колесници и падъ на земли, поклонися има и, вставъ, объять я с любовью и облобыза ею. Велможи ж и князи его негодоваше о семъ, яко недостойно царскыя славы створити.⁶² Недоумѣвающимъ же ся симъ не дерзающимъ же ся предъ лицемъ его обличити, брату цареви глаголаша да глаголетъ цареви, недостойтъ бо досажати на славу царскаго вѣнча. Сему же брату глаголавшю, дасть ему отѣтъ царь, его же братъ не разумѣ.

Обычай же бѣ тому цареви, егда же отвѣтъ смертный и которому быше, проповѣдника къ вратомъ его посылаше въ трубѣхъ смертнѣйшыхъ увѣдати глаголемое. Глаголомъ трубнымъ разумѣваху вси, яко повинньнъ есть смерти. Вечеру же бывшую посла царь трубу смертную въструбити при дверехъ дому брата своего. Яко же услышитъ трубу смертную, недоумѣвашеся о своемъ животѣ и размыслише о собѣ всю ночь. Утру же наставшю обол-

⁶⁰ велми С ⁶¹ зная С ⁶² створи С

кыйсь въ смаглы ризы и плаченыя, купно съ женою и съ чады идѣ къ полатѣ царевѣ и ста при дверехъ, плачася и рыдая. И въведѣ же к собѣ царь и тако видѣ рыдающася, глагола к нему: «О неразумне безумне, яко ты тако устрашися проповѣдникъ подобнорожняго ти и честнаго брака,⁶³ к нему же никако же себе съгрешивша въдая, како на мя зазрѣнье наведе, въ смиреннѣ цѣловавшю ми проповѣдника бога моего, гласнии трубы нарѣчьствовавши ми смерть и страшнаго усрѣтенья владыки моего, яко велия в себѣ грѣхы свѣдая. Се убо нынѣ твоего обличья⁶⁴ неразумья, таковымъ образомъ замыслих тако же с тобою свѣщахся⁶⁵ еже во мнѣ зазорная явѣ обличю». И тако угодивъ и брата своего наказавъ, и пусти в домъ свой.

Повелѣ же царь створити ковчегы $\bar{\Delta}$ от древа, два же обложи златомъ и кости мертвеца вложи в ня смердящая, златыми же гвоздями заключи. Другую же двою помаза смолою и пекломъ и наполни камыкъ честныхъ, бисерь многоцѣнныхъ от всѣхъ благовонныхъ вонь исполнивъ, власяными ужи обявавъ я. И призва велможѣ, разрѣвшимъ⁶⁶ же царя о двою мужю оною смѣреною срѣтенье, и постави пред нимъ $\bar{\Delta}$ ковчеги, да смотреть. колику цена⁶⁷ достойна есть золотая, колику же осмоленая. Они же двою златою смѣриша яко множеству цѣны достойна еста, мняху бо царстии вѣнцы и пояси вложены в ня. Смолою же помазаная и пекломъ малы и худы цѣны достойна еста глаголаху. Царь же глагола к нимъ: «Вѣдахъ азъ, яко тако вамъ глаголати, чювьственыма очима чювьственный разум⁶⁸ имѣсте. Аще не тако подобаетъ вамъ творити, внутрѣнима очима внутрь лежащее видѣти или честь или бещьстье».

И повелѣ царь отвреци золотая ковчега. Отверженным же ковчегомъ злый смрадъ повѣя из нея и некрасная видѣна бы видѣ. Рече же царь: «Се образъ бысть въ свѣлыи славныи обличенымъ, многою силою гордящимся и внутреняя суть мертвеца кости смердящая и злыхъ дѣлъ исполнь». Таче повелѣ отвреци смоленая и пекломъ помазаная. Сима же отверженыма сущема стояшимъ ту възвеселишася о лежащихъ в нею свѣтлости, и благоуханье изиде от нею. И глагола к нимъ царь: «Вѣсте ли, кому подобна еста? Смѣренама онѣма и в худыи ризы облеченома, ихъ вы виѣшний образъ видяще, досаженье вѣмѣстилище ею мое покланяние до земли. Азъ разумныма очима доброту ихъ и честь душевную разумѣвъ. чюдився, ею прикасанью лучъ вѣнца лучъ царскаго обидя и честнѣйшая вѣмѣннихъ». Тако пострами велможа своя и научи я о видимыхъ не блазнитися, но о разумныхъ внимати Богу.

ГПБ, СПб.ДА, А I 264, т. 2.

16 апреля

л. 67 -68

В ТЪ ЖЕ ДЕНЬ ПРИТЧА СВЯТОГО ВАРЛАМА О ПЕЧАЛИ
ЖИТИСТЪИ И О СУЕТНЪМЪ БОГАТСТВЪ И О МИЛОСТЫНИ

Человекъ нѣкто имѣя $\bar{\Gamma}$ другы. Двою же любляше и чтяше, а на третьемъ небреженъ имѣяше велье. Въ един же от дний придоша к нему страшнейи воины от царя, хотяще вести къ царю аки нѣчто зло створша. Печалну и унылу же ему бывшю искаше помощника дабы шедъ умолилъ царя. Текъ же къ первому другу, глагола ему: «Помниши ли, друже, како ты любяхъ всегда и душу свою полагахъ за тя. Нынѣ же требую помощи, дабы ми еси помоглъ и от одержащая мя бѣды избавилъ». Он же рече ему: «Что ти есть беда?» И рече ему: «Царь по мя послалъ страшныи воины и хоче мя мучити». И глагола ему: «Аще есть тако, нѣсмъ азъ тобѣ другъ, ни знаю тебе, кто еси. Ины бо имамъ и с тѣми веселюся. Но се ти даю двѣ портищъ, возми съ собою, амо же идиши, а иноя не чай от мене помощи».

⁶³ брата С ⁶⁴ обличая С ⁶⁵ свѣщавшимся С ⁶⁶ зазрѣвшая С
⁶⁷ вставлено позже ⁶⁸ образ С

Се же слышавъ, яко помощи от перваго друга нѣсть, текъ къ другому и рече: «Помниши ли, друже, колико прия от мене чести, яко азъ по вся дни паче себе печаловахъ. И се азъ впадохъ в неизбыточную печаль, да потрудися ити со мною и избавити мя». Отвѣща ему другий: «И азъ есмь в печали самъ, и нѣсть мощно ми ити. Обаче мало иду с тобою и скоро ворочюся опять, своими пекийся скорбьми. Да нѣсть ти во мнѣ помощи».

То же человекъ рыдале, тако же текъ и къ третьему другу, его же не творяше обѣщника своему веселью, но токмо словомъ любляше и и со многымъ трудомъ глагола ему: «Вѣси ли, друже, ты, яко азъ с тобою дружбу держю. Аще и не творяхъ к тебѣ любви, нынѣ же зла напасть ятъ мя, и помощи не обретохъ от другъ своихъ, с ними же имехъ суетную любовь, и се придохъ к тебѣ, моляся. Аще ти мощно, да поне мало помощь даси мнѣ и не отрини мене, не помяная немилосердые мое». Он же тихомъ и радостнымъ лицемъ рече: «Мало помню твоего добра ко мнѣ, и се азъ противу тому помогу ити, да не тужи, не печалуй. Азъ бо преже тебе пойду къ цареву и умолю царя, и не предасть тебе в руцѣ врагъ твоихъ. Да не буди, друже, ты печалень». Тогда нача глаголати съ слезами: «Увы мнѣ, о чемъ первое въсплачюся, яко имяхъ вѣры лживыма и невѣрнымъ другома», к сему же истинному другу ни малы покажахъ любви».

Первый же есть другъ пагубное богатство, его же ради впадаемъ въ многи грѣхи. Пришедши же смерть ничто же от него помощи, токмо срачице и савана порота будетъ, а богатство инѣмъ онѣмъ останется. Второй же другъ жена и дѣти и прочий родъ, ими же пекущися по вся дни, душу свою преобидите, а помощи от нихъ никоея же предъ Богомъ, токмо до гроба проводивше, възвратятся собою пекущися, а о задницѣ тязатися начнутъ. Третий же другъ милостыни, невремененъ, ни мимотекий, о ней же Господь рече: «Створите себѣ други и от мамоны неправеднаго» и паки: «Милуя нища, взаимъ даетъ богу». Тѣмъ же молю, вы възлюбите творити милостыню. То бо есть добрый другъ, избавляя вечныя муки о Христѣ.

ГПБ, Софийское собр., № 1324.

20 ноября

ВЪ ТЪ ЖЕ ДЕНЬ ПРИТЪЧА СВЯТОГО ВАРЛААМА
О ХОДЯЩИХЪ ВЪ МНИШЬСКИЙ ЧИНЪ

Младенць серний питаше нѣкто от богатыхъ. Възрастьшу же ему, и желаше пустыню видѣти, роднымъ обычаемъ влекомъ. Шѣдъ единою, обрѣте стадо сѣрнь пасомо и държашеся ихъ, прѣбываше въ пажитѣхъ лѣсныхъ, вечеръ же обращаешя въ домъ идеже бе въспитанъ, кущно же паки наутрѣя исходящи непризириемъ служащихъ о ней и съ дивими въ стадѣ прѣбываше. Стаду же далече пришьдъшу пасущюся, въследоваше и та с ними. Богатаго же слугы, то очютивъше, въседьше на коня, погнаша въследъ ихъ; свою уловивъше, възвратишася, оттолѣ не ишьствовати ей прочее створиша, прочее же стадо овы избиша, другыя же злѣ разгнаша, уязвивъше.

Се же разумно да есть. Сѣрньць есть въспитаный иже работаютъ у христьянскихъ сыновъ, злыхъ богатынъ свѣта сего, и възлюбитъ Христа паче врѣменныя сея славы, въсохощетъ пойти въ святой иночскый чинъ прѣже проситъся у злаго онаго господина, иже не пуститъ его и прѣтитъ ему горкою смертию о томъ, и велитъ отрокомъ наблюдать. Отрокомъ же блюдушимъ его по повелению господина своего, и уже многу врѣмени минувъше, и будетъ въ забыти господинъ раба того, и он же уноша благый, ходя никымъ же блюдомъ, изидеть въ монастырь, люблю въ пустыню, и пострижеться, и прилѣпиться къ духовнымъ мужемъ. Си слышавъ, господинъ тый злый пославъ рабы своя, своего приведетъ, без милости бя, стадо же Христово раженеть и распудитъ. Таковый есть неприязнь въ

сердци богатаго, не можеть бо видѣти ходящихъ въ чистомъ томъ образѣ. Аже нъ своего и мы послушаемъ Господа, глаголюща: Не бойся, малое мое стадо, от убивающихъ тѣло, а душа не могущихъ убити; аще бо и случить ны ся смерть прияти, того ради и душо положити ꙗко кратичею примет животь вѣчный.

ГПБ, СПб.ДА, А I 264, л. 130 об.—131.

24 ноября

ВЪ ТЪ ЖЕ ДЕНЬ ПРИТЧА СВЯТОГО ВАРЛАМА
О ЕРЕТИЦЪХЪ О⁶⁹ ИДОЛОСЛУЖИТЕЛИИХЪ⁷⁰

Бѣ нѣкий человекъ богатъ, имѣя овецъ стадо много. Къ нимъ же пристави пастуси добры паствити я, бяху же ту дубравы многы, в нихъ же паствахуть стадо овецъ тѣхъ. И ту бяху в той же дубравѣ козъ дивихъ, от нихъ же козли ови млади, а друзии стари. И видѣвши же овцѣ ты, прилучишася къ нимъ и начаша паствитися с ними во единой пажити по мѣсту ходити. Видѣвши же пастуси ти милосердоваша о нихъ и въ стаю начаша пушати с ними и створиша я яко овцѣ. И глаголаша уже си не отлучатся от сихъ овецъ и небрегоша о нихъ твердѣ паствити ихъ. Овы же за мало дний, а другыя за многы дний исходяще, къ первымъ своимъ стадомъ въспомнявши же первый обычай, в немъ же ся родили. Единою же шедши опять, и не възвратишася къ тому от своихъ стадъ къ онѣмъ кроткимъ овцамъ.

Человекъ есть Христось, а овцѣ крестьяне, а пастуси епископи и попове. Дубрава же весь миръ, а козлять⁷¹ стадъ⁷² еретици идолъслужители, от нихъ кто приходитъ къ правой вѣрѣ, ти по крещеньи опять се възвращаються къ своимъ обычаемъ на ту же вѣру, аки песь на своя блевотины. Епископомъ и попомъ, не добрѣ пасущимъ ихъ и приходящая бо от еретик и от идолъслужитель, къ правой вѣрѣ подобало бы преже испытати ихъ и прокляти имъ свою вѣру и обычай и тако прилѣпитися имъ къ правой вѣрѣ крестьянѣстѣй всѣмъ сердцемъ, учити же я по вся дни, да не токмо къ своей вѣрѣ опять не приступять, но о спасении ихъ пецися должни же суть епископи и попове, словеснии пастуси, о всемъ мирѣ пецися о спасении и безъ лѣности учити я.

⁶⁹ и о С ⁷⁰ идолослужителех С ⁷¹ козляя С ⁷² стада С